

Возникновение ислама в VII веке является одним из самых значительных событий мировой истории. В то время как традиционные исламские повествования представляют его как внезапное откровение, данное пророку Мухаммаду в Мекке, растущее число современных исследований, включая работы Джона Вансбро, предполагает, что истоки ислама были гораздо более постепенными, сложными и укорененными в религиозно-политической среде поздней античности. В данном эссе рассматривается, каким образом раннее христианство, еврейские поселения в Аравии, значение Петры и геополитические угрозы со стороны империй способствовали формированию ислама, с использованием критической методологии Вансбро для переоценки этих факторов.

Раннее христианство в Аравии: ученики, бегущие в горы

В Евангелии от Матфея 24:15–16 Иисус предупреждает Своих последователей: «Итак, когда увидите мерзость запустения... тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы». Согласно ранним христианским преданиям, некоторые ученики восприняли это предупреждение буквально и спасались от гонений после разрушения Иерусалима в 70 году н. э. Эти ранние христиане, которых часто относят к иудейско-христианскому движению или эбионитам, могли переселиться в различные части Римской и Персидской империй, включая Аравию, находившуюся на периферии обеих держав.

Эти верующие, вероятно, сохраняли сочетание иудейских практик с верой в Иисуса как Мессию, не обязательно принимая более поздние христианские доктрины, такие как учение о Троице. Их присутствие в Аравии могло способствовать распространению представлений о монотеизме среди арабов еще до появления Мухаммада.

В Послании к Галатам 1:17 апостол Павел пишет: “Я не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию”. Это краткое упоминание давно привлекает внимание историков и богословов. Хотя точное местоположение “Аравии” остается предметом дискуссий, ясно, что Павел провёл некоторое время в пустынных регионах к востоку от Иудеи. Это указывает на то, что христианские идеи уже имели определенное присутствие, или, по крайней мере, потенциальное поле для миссии - на Аравийском полуострове к середине I века. К IV–V векам сирийское христианство, включая несторианские и монофизитские традиции, распространилось по восточным территориям Византийской империи и проникло в Аравию. Археологические находки, такие как кресты и остатки церквей в Наджране (на территории современной Саудовской Аравии), подтверждают наличие христианских общин в регионе.

Еврейские поселения в Аравии

Иудаизм также имел глубокое и влиятельное присутствие в доисламской Аравии. Исторические и археологические источники свидетельствуют о существовании развитых еврейских общин в таких городах, как Ясриб (позднее Медина), Хайбар и Тайма. Эти общины соблюдали Тору, поддерживали синагоги и участвовали в региональной политике. В VI веке Химьяритское царство в Йемене даже приняло иудаизм в качестве государственной религии при царе Зу Нувасе, который известен гонениями на христиан в Наджране, что привело к вмешательству христианской Эфиопской империи. Такое религиозное разнообразие и конфликты в Аравии стали частью исторического фона, на котором возник ислам.

Петра и потомки Измаила

Некоторые представители ревизионистской школы предполагают, что Петра, древняя столица Nabateyского царства, играла более значительную роль в ранней истории ислама, чем допускают традиционные повествования. Петра была крупным центром торговли и культуры, а её стратегическое положение между римским и арабским мирами делало её местом пересечения языков, религий и племён.

Следует отметить, что многие арабы возводили своё происхождение к Измаилу, сыну Авраама и Агари. Эта традиция, присутствующая как в иудейских, так и в исламских источниках, способствовала формированию этнической и духовной идентичности арабских племён. Петра и прилегающие к ней области связывались с потомками Измаила и, возможно, воспринимались как священное пространство до исламской ориентации на Мекку.

Внешние угрозы и единство арабов

К концу VI века Аравийский полуостров оказался втянут в соперничество между Византийской (греческой) и Сасанидской (персидской) империями. Обе державы стремились контролировать торговые пути и зависимые государства в Аравии, такие как христианские гассаниды (союзники Византии) и иудейские химвариты или находившиеся под влиянием Персии лахмиды.

Это внешнее давление способствовало росту понимания среди арабских племён необходимости единства для противостояния доминированию. Проповедь Мухаммада о таухиде (абсолютном единобожии) и его призыв объединить племена под одной верой нашли мощный отклик в этих условиях.

Джон Вансбро и литературное формирование ислама

Традиционная исламская версия утверждает, что Коран был ниспослан Мухаммаду в завершённом виде на протяжении 23 лет. Однако Джон Вансбро - один из ведущих исследователей происхождения Корана и ислама - оспорил это представление в своих фундаментальных работах *Quranic Studies* (1977) и *The Sectarian Milieu* (1978).

Вансбро утверждал, что:

Коран, вероятно, формировался в течение более длительного периода и отражает внутренние дискуссии между различными религиозными общинами, включая христиан и иудеев.

Сектантская среда Ближнего Востока - насыщенная конкурирующими иудейскими, христианскими и разнородными религиозными группами - оказала глубокое влияние на содержание и структуру Корана.

Ранний ислам мог начаться как реформаторское движение внутри более широкого иудео-христианского контекста, лишь позже сформировавшись в самостоятельную религиозную идентичность.

С этой точки зрения Коран предстает не как результат единственного откровения в аравийской пустыне, а как литературный продукт, сформированный устной традицией, взаимодействием с Писанием и богословскими спорами в многоязычной и мультикультурной среде.

Ученик Вансбро Майкл Кук, а также такие исследователи, как Патриция Крон и Фред Доннер, продолжили эту линию анализа, изучая, каким образом ранние исламские тексты могли быть впоследствии отредактированы для создания целостного повествования.

Заключение

Происхождение ислама невозможно понять вне религиозной и политической динамики поздней античности. От ранних христиан, бегущих в горы, и пребывания Павла в Аравии до присутствия еврейских племён и влияния великих империй — Аравийский полуостров был перекрёстком идей и культур. Объединяющее послание ислама, призывающее к поклонению единому Богу и к объединению в одну умму, стало одновременно духовным пробуждением и политическим решением.

Исследования Джона Вансбро предлагают рассматривать ислам не как резкий разрыв с прошлым, а как продолжение, адаптацию и преобразование ранее существовавших религиозных традиций. Понимание этого богатого контекста позволяет глубже осмыслить исторические корни и значимость возникновения ислама.

Список литературы

Wansbrough, John. *Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation*. Oxford University Press, 1977.

Wansbrough, John. *The Sectarian Milieu: Content and Composition of Islamic Salvation History*. Oxford University Press, 1978.

Crone, Patricia and Cook, Michael. *Hagarism: The Making of the Islamic World*. Cambridge University Press, 1977.

Donner, Fred M. *Мухаммад и верующие: у истоков ислама*. Harvard University Press, 2010.

Hoyland, Robert. *Seeing Islam as Others Saw It*. Darwin Press, 1997.

Библия: Галатам 1:17; Матфея 24:15–16..

Коран: Сура 2:125-129 (об Аврааме и Измаиле).

Сирийский титул Иисуса и Махди в ранней арабской мысли.

Помимо иудейских и христианских влияний в доисламской Аравии, особого внимания заслуживают языковые и богословские связи между сирийским христианством и формирующимися исламскими представлениями. Один из наиболее показательных примеров - сирийский титул Иисуса: “Мешиха” (Мессия), который был переведен на греческий как “Христос”, а на арабский - как “аль-Масих”. В сироязычных христианских общинах Ближнего Востока этот титул имел не только богословское, но и эсхатологическое значение, указывая не просто на помазанника, но и на грядущего избавителя.

На фоне политической нестабильности и постоянных столкновений с Византийской (греческой) и Сасанидской (персидской) империями арабские племена всё чаще обращались к идее спасителя. Христианское понимание Мессии, особенно в том виде, в каком оно представлено в сирийской апокалиптической литературе, постепенно стало переплетаться с арабскими ожиданиями божественного избавления. Это привело к своеобразному концептуальному сближению между христианским Мессией (Иисусом) и будущим избавителем, известным в арабской традиции как “Махди”.

Изначально слово “Махди” означало просто “ведомый” или “направляемый (Богом)”. Однако в ранней исламской мысли этот образ начал приобретать черты, близкие к мессианским, во многом напоминающие образ Иисуса Христа. Некоторые ранние арабские христиане, возможно, даже применяли к Иисусу наименование “Махди”, что впоследствии было воспринято и переосмыслено в рамках исламской эсхатологии.

Перекрытие и некоторая неясность между образом Иисуса как возвращающегося Мессии и Махди как будущего избавителя, вероятно, усиливались из-за военных и социальных кризисов, с которыми сталкивались арабы. Под давлением внешних империй и на фоне внутренних племенных разногласий ожидание объединяющей фигуры, способной победить внешних врагов и восстановить справедливость, глубоко укоренилось в общественном сознании.

Таким образом, сирийское понимание Иисуса как Мессии оказало влияние не только на коранический образ Исы, но и на формирование концепции Махди в исламе. В некоторых ранних традициях Махди и Иисус даже предстают действующими совместно в конце времён, побеждая силы зла и устанавливая божественный порядок.

Это языковое и богословское переплетение наглядно показывает, насколько региональные христианские представления, особенно сирийской традиции, повлияли на раннюю исламскую эсхатологию и мессианские ожидания.

Пожалуйста, поделитесь этой статьей с вашими друзьями и другими служителями Господа Иисуса Христа, чтобы новые идеи и преподавание Слова укрепляли веру народа Божьего по всему миру.